

десятилетие хрущёвских реформ, когда рост составил 1.2% в год (тогда как за 1965–1990 гг. – 0.12%). Наконец, провальные 1990-е гг. сменились устойчивым ростом последнего десятилетия⁵². Впрочем, о тенденциях последних лет Леонард говорит с большой осторожностью.

Что же объединяет все рассмотренные исследования? Прежде всего, на мой взгляд, – дух междисциплинарности. С одной стороны, экономические историки всё активнее и плодотворнее включают в сферу своего анализа социально-политические и идеологические сюжеты. С другой – становится всё более очевидным, что применительно к истории аграрных реформ, как и во многих других тематических «полях», традиционной историографии уже не обойтись без достижений экономики, социологии и антропологии. Остается только выразить надежду, что историография нашей истории будет обогащаться не только оригинальными подходами, но и новыми конкретно-историческими работами, и что методологическая пропасть между российскими и западными учеными, уйдя в прошлое, станет лишь ещё одним поводом для рефлексии будущих поколений ревизионистов.

⁵² Ibid. P. 253–255.

Власть и рабочие Урала: эволюция взаимоотношений в условиях Гражданской войны

Ольга Поршнева

Вопрос об участии рабочих в политической борьбе в годы Гражданской войны и об их взаимоотношениях с властью длительное время оставался предметом активного изучения отечественных исследователей. Однако в советской историографии многие аспекты этой темы не получили всестороннего освещения либо истолковывались тенденциозно. В 1990-е гг. в условиях введения в оборот значительного массива источников и утверждения научного и методологического плюрализма началось переосмысление данной проблемы, давшее импульс её дальнейшему изучению. Чуть ранее, в 1980-е гг., всплеск интереса к рассматриваемому периоду отмечался в западной историографии, когда данный сюжет стал предметом специальных исследований. Одновременно активно изучалась политическая история Гражданской войны, в том числе причины поражения антибольшевистских правительств на востоке страны, их политические и социальные программы¹. В настоящее время, по оценке В.Д. Камынина,

© 2013 г. О.С. Поршнева

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 11-11-6601а/У.

¹ *Фицпатрик Ш.* Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // *Гражданская война в России: перекрёсток мнений.* М., 1994. С. 344; *Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // *Отечественная история.* 2005. № 6. С. 142–144; *Party, State, and Society in the Russian Civil War.* Bloomington, 1989; *Хопман Г.О. Перейра.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996; *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Boston, 1987; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass.; L., 2002; *Joshua A. Sanborn.* Drafting the Russian Nation. Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Decalb, Illinois, 2003; *Кренер Э.* Западные взгляды на Гражданскую войну в России 1918–1920 годов. Обзор историографии последних двадцати лет // *Падение империи. Революция и Гражданская война в России.* М., 2010. С. 176–181.

период с 1917 по 1922 г. является одним из наиболее изученных в истории Урала². В то же время вопрос о степени, характере, формах политической и социальной активности российских рабочих в конце 1917 г. – начале 1920-х гг. остаётся предметом дискуссий современных историков³, а значит, требует дальнейшего исследования, прежде всего на региональном материале.

На Урале, как и в целом по стране, рабочий класс не был однородным, что проявлялось в политических взглядах, настроениях, поведении представителей различных его групп. Наряду с квалифицированными, культурно развитыми рабочими значительную его часть составляли недавние выходцы из деревни, в том числе оказавшиеся на заводах в годы Первой мировой войны. Сказывались также различия правового и социально-экономического положения трудящихся казённых и частных предприятий Урала. Всё это значительно влияло на восприятие рабочими событий конца 1917 г. – первой половины 1918 г. и на их политическое поведение. Наиболее важные внутри- и внешнеполитические процессы вызывали порой диаметрально противоположную реакцию⁴, демонстрируя нарастающий раскол в рабочей среде, проявившийся в ходе начавшейся летом 1918 г. широкомасштабной Гражданской войны.

Важнейшими факторами и событиями, определившими политические настроения и поведение рабочих Урала после октября 1917 г., были заключение Брестского мира, созыв и роспуск Учредительного собрания, социально-экономические процессы, сопровождавшие демобилизацию и национализацию промышленности региона. В постановлении переизбранного весной 1918 г. Ижевского Совета рабочих депутатов от 27 мая 1918 г. отражены степень и мотивы недовольства рабочих большевиками: «Власть, которая на словах обещала мир, хлеб, укрепление свободы, созыв Учредительного собрания на срок и регулирование промышленности, и на деле давшая нам худшую форму войны, голод, попрание свободы, разгон Учредительного собрания и массовую безработицу, – должна уйти. ...Для спасения страны от разрухи, рабочего класса от гибели, Совет должен добиваться созыва Учредительного собрания, немедленной отставки народных комиссаров и организации общедемократической власти, управляющей на основаниях твёрдых законов и поддерживаемой рабочими и крестьянскими Советами»⁵. Настроения растерянности и разочарования в рабочей среде, доминирующие в условиях нарастания кризисных явлений в экономике и политической сфере, обострения противостояния в обществе в первой половине 1918 г.⁶, проявлялись прежде всего в стихийных формах протеста.

Наиболее ярким воплощением протестных настроений на заводах стали антибольшевистские восстания. Их своеобразие на Урале было связано с тем, что рабочие в казённых и посессионных округах зачастую владели землёй и вели на ней собственное хозяйство. Их недовольство вызывали не только хозяйственная разруха, производ властных структур, насильственные мобилизации, но и гонения против Церкви, продовольственная политика большевиков, реквизиции продотрядов, национализация заводских земель, а также покосов и угодий рабочих. Всего с декабря 1917 г. по июль 1918 г. на Урале произошло 37 заводских и городских антибольшевистских восстаний, в том

² Камынин В.Д. Некоторые итоги историографического изучения истории Гражданской войны на Урале // Гражданская война как феномен мировой истории. Екатеринбург, 2008. С. 9.

³ См.: Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 6–8; Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917–1918 гг. М., 2004. С. 12.

⁴ См.: Поршнев О.С. Политические взгляды и настроения рабочих Урала в период становления советского режима (конец 1917 – первая пол. 1918 г.) // Проблемы социально-экономической и политической истории. Межвузовский профессорский сборник научных трудов к 80-летию профессора Б.А. Сутырина. Екатеринбург, 2011. С. 84–89.

⁵ Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 288–289.

⁶ См.: Поршнев О.С. Указ. соч. С. 83–97.

числе на Михайловском, Шемахинском, Полевском, Рудянском, Северском, Павловском, Камбарском, Верх-Исетском, Кусинском, Саткинском, Бакальском, Нижне-Сергинском, Нязе-Петровском, Надеждинском, Суксунском, Николо-Березовском заводах⁷. Большевики жёстко их подавляли, вводили на некоторых территориях военное положение: в Пермском округе, когда в середине мая выступили рабочие Главных железнодорожных мастерских в Перми и Мотовилихинского завода (ЧК арестовала 38 человек, в том числе видных деятелей меньшевистской партии А. Распевина, И. Емельянова, А. Андреева и др.); 27 мая – в городе Оса и Осинском уезде⁸.

Акции рабочего протеста нельзя считать лишь результатом действий организованной антибольшевистской оппозиции, так как в этот период меньшевики сознательно выступали против народного повстанчества и стихийных рабочих волнений, а эсеры не ставили задачи повстанческой пропаганды среди широких масс населения, хотя и те, и другие вели межпартийную борьбу⁹. В частности, созданный меньшевиками и эсерами 5 июля 1918 г. Челябинский уездный съезд крестьян, казаков, мусульман, рабочих и горожан постановил: «Считать главной задачей момента единение всех демократических сил и выборы Учредительного собрания»¹⁰. В то же время именно меньшевики и правые эсеры весной–летом 1918 г. формулировали созвучные стихийным антибольшевистским настроениям рабочих лозунги и пользовались заметной поддержкой в рабочей среде. На выборах в городские Советы весной 1918 г. за них было подано значительное число голосов. По оценке В.Н. Бровкина, умеренные социалисты завоевали в это время в Советах большинство, в том числе во многих уральских городах¹¹. Однако, согласно сведениям Отдела местного управления НКВД РСФСР, а также протоколам заседаний уездных съездов Советов, картина партийного состава Советов Урала весной–летом 1918 г. была несколько иной: депутаты состояли главным образом из большевиков и левых эсеров (при преобладании первых в Пермской губ., вторых – в Вятской и доминировании беспартийных в Уфимской и Оренбургской губерниях), а правые эсеры и меньшевики чаще всего выходили из Советов в знак несогласия с политикой, проводимой их большинством¹², либо исключались из их состава.

После вступления в июне 1918 г. правых социалистов на путь антибольшевистской вооружённой борьбы их начали арестовывать. Так, в распоряжении председателя Уральского областного Совета А. Белобородова Пермской окружной ЧК от 18 июня 1918 г. говорилось: «Уважаемые товарищи! По приказанию Председателя ЦИК предлагаю вам арестовать представителей буржуазии, лидеров правых эсеров и меньшевиков. Они должны содержаться под стражей как заложники. Необходимо провести до 100 арестов минимум в Перми, Мотовилихе и окрестностях»¹³. В случаях, когда меньшевики и эсеры побеждали на перевыборах в городские Советы, большевики отказывались считаться с их результатами. «Большевики по распоряжению из центра исключили из Советов представителей других партий, как не стоящих на советской платформе, – вспоминал участник перевыборной кампании рабочий-меньшевик Г.Б. Струмилло. – На будущие выборы было объявлено, что выбирать и быть выбранными имеют право только люди, признающие советскую власть... Там же, где всё же удавалось провести настоящие выборы и большевики, конечно, оказывались в ничтожном меньшинстве, там просто

⁷ Урал и Прикамье... С. 71–72.

⁸ Обухов Л.А. Прикамье в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Пермь, 2008. С. 214.

⁹ Урал и Прикамье... С. 64–65; Сергеева Е.Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 16.

¹⁰ Урал в Гражданской войне. Свердловск, 1989. С. 103.

¹¹ Бровкин В.Н. Россия в Гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 28; Бровкин В. The Mensheviks' Political Comeback: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918 // Russian Review. Vol. 42. № 1 (January, 1983). P. 39.

¹² ГА РФ, ф. Р-393, оп. 3, д. 31, л. 156–201; д. 283б, л. 5; д. 502, л. 1 об., 2, 4 об.

¹³ Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сборник документов. Пермь, 2008. С. 126.

разгоняли Советы при помощи латышей и мадяров. Так был разогнан Совет Усть-Сысольский и другие»¹⁴. Разогнали Совет и в Воткинске, где умеренные социалисты получили до 80% голосов¹⁵, и в Златоусте (после перевыборов конца февраля 1918 г.)¹⁶.

Доверие «части трудящихся» летом–осенью 1918 г. к антибольшевистским меньшевистско-эсеровским комитетам, а затем и к Временному областному правительству Урала признавалось и в советской историографии¹⁷. Уральские исследователи истории Гражданской войны на территории региона также отмечали, что умеренные социалисты заняли руководящее положение в восстановленных противниками большевиков старых органах городского самоуправления и земствах. Из 83 гласных Екатеринбургской городской думы, возобновившей свою деятельность в конце июля 1918 г., 27 принадлежали к партии кадетов и 35 – правых эсеров. Остальные являлись представителями меньшевиков, бундовцев, националистических и религиозных организаций, союза домовладельцев и т.д. Примерно таким же был партийный состав Пермской городской думы, которая собралась в конце декабря¹⁸.

Ретроспективные свидетельства распространённости антисоветских настроений среди рабочих летом 1918 г. и поддержки ими прихода «белых» как освободителей содержатся в сводках политических отчётов инструкторов Екатеринбургского губкома РКП(б) за 1919 г.¹⁹ Так, в Нижне-Уфалейском заводе и волости «к старой советской власти относились плохо за суровые мероприятия»²⁰, в Северском заводе – «отношение среднее, потому что играли (так в документе. – *О.П.*) недостаток продовольствия и отдельные выдающиеся поступки членов Совета»²¹. Весьма показательны и данные о численности рабочих-добровольцев, вступивших в Красную армию в первой половине 1918 г. Хотя добровольчество стимулировалось продовольственными пайками, денежным довольствием и различными льготами, заводское население не проявляло особой активности. Если на Южном Урале, в Оренбургской и Уфимской губерниях, где преобладали частновладельческие округа, в Красную армию вступили 21.3% рабочих, то на Западном Урале, в Пермской и Вятской губерниях, где располагались крупные (бывшие казённые) заводы, – 3.9 и 6.8, соответственно, а в целом по Уралу – 8%²². Это свидетельствует не только о неравномерности поддержки рабочими красного лагеря, как отмечают С.П. Постников и М.А. Фельдман²³, но и в целом о специфике их политической позиции. Основная их масса явно не хотела участвовать в какой-либо войне, особенно гражданской.

«Недовольство и враждебное отношение против Совета» на почве экономических трудностей и мобилизации, нежелание идти в Красную армию рабочих Полевского завода стали причинами восстания 16 июня 1918 г. В газете «Уральский рабочий», в частности, приводились упрёки заводчан ответственным партийным и советским работникам: «Вы нас призываете, а сами не идёте», и постановление собрания рабочих завода, принятое после ухода «активистов» на фронт: «Красную армию распустить, произвести перевыборы в Совет». На подавление восстания бросили отряд красноармейцев, и после полуторачасового боя завод был взят²⁴. Однако участвовать в бра-

¹⁴ Струмилло Г.Б. Из записок рабочего // Урал и Прикамье... С. 32–33.

¹⁵ Чураков Д.О. Указ. соч. С. 160.

¹⁶ Урал и Прикамье... С. 145–146.

¹⁷ Урал в Гражданской войне. С. 103.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф. 76, оп. 1, д. 779, л. 5, 10. Под «белыми» авторы сводок подразумевали антибольшевистские правительства всех ориентаций.

²⁰ Там же, л. 9.

²¹ Там же, л. 4.

²² Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М, 2009. С. 312–313.

²³ Там же. С. 312.

²⁴ Уральский рабочий. 1918. 9 июля. № 133(230). С. 4.

тоубийственной войне порой не соглашались и рабочие-коммунисты. Один из них, исключённый из партии за отказ от мобилизации в Красную армию, так мотивировал свою позицию: «Взять винтовку и убивать брата – это выше моих сил»²⁵.

Поддержка антибольшевистской агитации квалифицированными рабочими объяснялась их неприятием экономических и политических принципов новой власти, иными ценностными ориентациями. Значительная часть таких рабочих была сосредоточена на крупных (бывших казённых) оборонных предприятиях. Коммунисты-агитаторы на Ижевском заводе отмечали, что «рабочий, в массе являясь высококвалифицированным, получал высокие ставки и до войны. За войну же в особенности, и поэтому он “мелкобуржуазился” (так в источнике. – *О.П.*) и его заветная мечта – накопить грошей, выстроить двухэтажный домик и обеспечить себе старость по “сберегательной”». «Местные ребята страшно самолюбивы, – говорилось в сводке. – Из-за пустяка вспыхивают как порох». Далее информаторы констатировали, что большевистских агитаторов на заводе не признают, а их партийный комитет «почти никаким влиянием и авторитетом не пользуется»²⁶. В докладе Воткинского комитета РКП(б) отмечалось, что «рабочий класс был заблуждён (так в тексте. – *О.П.*) и при выступлении (Ижевско-Воткинском восстании в августе–ноябре 1918 г. – *О.П.*) только верил прихвостням буржуазии – меньшевикам и правым эсерам. Нельзя оправдывать часть рабочих, которая вела мещанский образ жизни и не могла думать, чтобы расстаться со своей скотинкой, землицей и вообще частной собственностью: эта часть рабочих шла (на восстание. – *О.П.*) сознательно»²⁷.

Антибольшевистские настроения были особенно сильны в Пермской губ. летом–осенью 1918 г. В одном из писем в Уральский областной комитет РКП(б) сообщалось: «Считаю нужным указать на контрреволюционное настроение населения и даже рабочих. Причём контрреволюционность их проявляется довольно активно, то в виде организации отрядов для борьбы против Советов, то в виде расстрелов наших товарищей»²⁸. На Мотовилихинском заводе (крупном бывшем казённом оборонном предприятии) эти настроения, а также слабые позиции коммунистов тревожили Уралобком РКП(б) ещё в августе 1918 г.²⁹ Уже в декабре на митинге рабочие завода выдвинули требования: отменить пытки и смертную казнь, ввести свободную продажу хлеба, «проверять, что едят комиссары и снять с них кожанки для пошива обуви населению». Митинг разогнали латыши, а вскоре бесследно исчезли более 300 рабочих³⁰. При разборе бумаг Мотовилихинской ЧК белые нашли документ: «Мы не признаём существующей вашей большевистской власти, не знаем, куда идём, идти приходится против своего брата. С нас работников вам не будет, мобилизуете вы нас на свою же шею». Под документом стояли подписи трёх рабочих, происходивших из местных крестьян³¹. Военный совет 3-й армии Восточного фронта РККА принял решение о закрытии завода и объявлении его на осадном положении, были произведены обыски и аресты³².

Ещё в июне 1918 г. Пермская окружная ЧК выступила с предупреждением: «Все, кто будет вести агитацию против советской власти и распространять ложные, нелепые слухи, будут преследоваться ЧК путём самых суровых мер и в случае поимки на месте преступления будут беспощадно расстреливаться»³³. Степень ожесточения политического противостояния и отсутствие твёрдой поддержки большевиков со стороны рабочих демонстрирует постановление Военно-революционного комитета Мотовилихи,

²⁵ Красный Урал. 1919. 20 декабря. № 141. С. 2.

²⁶ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 456, л. 240.

²⁷ Там же, л. 241.

²⁸ Там же, л. 21.

²⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 6, л. 24.

³⁰ Посадский А.В. Уральское и Прикамское беженство в 1919 году // Гражданская война на востоке России... С. 226.

³¹ Там же.

³² ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 466, л. 32.

³³ Цит. по: Обухов Л.А. Указ. соч. С. 215.

принятое незадолго до падения Перми: «Наши революционные совесть и долг велят нам расправляться со всеми палачами Русской и Международной революции, будь то сознательные палачи – буржуа, капиталисты и их наймиты, или бессознательные – тёмные рабочие и крестьяне»³⁴. Идея неизбежности уничтожения всех сопротивляющихся и несогласных, включая выходцев из низов, необходимости достижения социального идеала любой ценой находила выражение и в поэтических текстах, публиковавшихся в уральских периодических изданиях тех лет. В стихотворении «Красноармеец», опубликованном в газете «Красный набат» 12 января 1919 г. за подписью «Земляк», говорилось: «– Для чего тебе дали винтовку, // Привинтили отточенный штык? // За кого ты поедешь сражаться, // Ты – простой деревенский мужик? // – Я поеду сражаться за волю // Для себя и своих сыновей. // Я хочу, чтоб мужик и рабочий // Не стонали в когтях палачей. // – А кого же ты в битве застрелишь? // Кто умрёт на холодном штыке? // Капли крови богатых иль бедных // Заблестят у тебя на штыке? // – Если бедный стоит за богатых, // Потому, что богатый сильнее, – // Я по трупам голодных и нищих // Прoberусь в терема богачей»³⁵.

В политических сводках Областного комитета РКП(б) о положении в различных местностях Пермской губ. за декабрь 1918 г. указывалось на «бесчинства» и злоупотребления коммунистов и красноармейцев как на фактор, который «портит отношения с населением»³⁶. В одной из них отмечалось, что «подобные явления в Бисерской волости возмутили красноармейцев, которые стали говорить: “Мы беспартийные, сражаемся за советскую власть, а в тылу так называемые коммунисты дерут с народа три шкуры”»³⁷. Аналогичное постановление было принято 1-м Осинским кавалерийским полком: «Просим все советские учреждения выгнать всех шкурников, скрывающихся под маской коммунистов в тылу за нашей спиной, которые грабят наших отцов и жён ради своих прибылей. Мнимые коммунисты нас заставляют сражаться полураздетыми»³⁸. Красноармеец Павел Тумбин в письме в «Уральский рабочий» свидетельствовал о том, что «Красную армию в деревнях и заводах встречают с паническим страхом»³⁹. В политической сводке штаба 3-й армии РККА о положении в Пермской и Вятской губерниях от 6 сентября 1918 г. также отмечались озлобление населения ряда заводов и волостей, распространение там антисоветских слухов, констатировалось, что работа «военного комиссара Борисова, видимо, тёмной личности, даёт почву для контрреволюционной агитации против Совета, в частности, и против коммунистов как партии»⁴⁰. Речь в документах идёт, как правило, о злоупотреблениях коммунистов в исполкомах волостных Советов и комбедх (эта тема волновала как крестьян, так и рабочих). Показательны выражения: «так называемые коммунисты», «под маской коммунистов» и «мнимые коммунисты», свидетельствовавшие о существовании в сознании красноармейцев, сражавшихся за советскую власть, некоего «должного» образа «настоящего коммуниста».

Тема обличения большевиков и красноармейцев присутствовала в рабочем фольклоре, в частности, в частушках, собранных неизвестным автором в районе Северского и Полевского заводов: «Красна армия воюет, // А буржуев не берёт – // Лишь с крестьянином дерётся, // Да с рабочих деньги рвёт»; «На собрании ныне воё // Обсуждают то да сё // Все – одни большевики, // Настоящи дураки. // Землю делят меж собою // И деньжонки тоже. // Эх, дали б волю мне, // Побил их по роже! // Пойте, пойте, пе-

³⁴ Цит. по: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 392.

³⁵ *Голдин В.Н.* Поэзия Гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы, Кн. 1. Екатеринбург, 2006. С. 78.

³⁶ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 466, л. 54, 55, 58, 63.

³⁷ Там же, л. 55.

³⁸ Там же, л. 58.

³⁹ *Уральский рабочий.* 1918. 11 июля. № 135(232).

⁴⁰ *Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА. Сборник документов.* Екатеринбург, 2008. С. 70.

тушки, // Воспевайте, курочки, // Ныне цари – большевички // На Покровской улице»; «Мы пойдем на край Сибири, // Где могила Ермака. // Но не надо нам уж боле // – Ах, – царём – большевика»⁴¹. Необходимо отметить, что олицетворение любой власти с царской вполне соответствовало авторитарно-монархической парадигме русского традиционного сознания. В то же время царская власть в большевистском обличье вызывала отторжение.

Помимо репрессий по отношению к восставшим большевики уже в 1918 г. начали планомерную работу по сбору информации о положении дел на местах и о политических настроениях различных категорий населения, включая рабочих. Тем самым была продолжена дореволюционная традиция полицейского контроля и осведомления о состоянии умов. В условиях Гражданской войны были созданы и использовались различные каналы получения такого рода сведений: партийные органы⁴², различные структуры Красной армии, готовившие сводки о политическом положении на местах⁴³, и особенно чрезвычайки, созданные при местных Советах⁴⁴. В ходе войны наиболее приспособленными для ведения тотального контроля оказались органы ВЧК⁴⁵ (рядовые коммунисты должны были всячески содействовать работе местных чекистов). Так, 6 августа 1920 г. за подписью заместителя председателя ВЧК И.К. Ксенофонтова появилось обращение «Всем губкомам РКП», в котором подчёркивалось: «Желательно усиленное привлечение наибольшего количества партийных работников не только к прямой работе в ЧК, но и к косвенному сотрудничеству, к осведомлению, каковое является основой работы ЧК»⁴⁶. Согласно политическим сводкам Екатеринбургской губчека, в 1919 г. такая практика в рабочей среде была обычной⁴⁷. В сводке одного информатора от 2 октября 1919 г. читаем: «По приезде на место (в Верхний Тагил. – О.П.) уполномоченным губчека прежде всего было приступлено к вербовке осведомителей, которые были разосланы во все учреждения, а также и на заводы (курсив мой. – О.П.)»⁴⁸. Таким образом выявлялись не только антисоветские и антибольшевистские настроения в рабочих коллективах, но и назревавшие акции протеста, их зачинщики, квалифицировавшиеся как «белогвардейские» и «колчаковские» агенты. В этом проявлялось неприятие властью любых форм открытого протеста, даже вызванного объективными экономическими трудностями и социальными бедствиями рабочих, рассмотрение их сквозь призму противостояния «своих» и «чужих». Например, зачинщики забастовки рабочих Монетного двора Екатеринбурга 12 декабря 1919 г., вызванной невыдачей продовольственного пайка, были не только взяты под следствие, но и поставлены на учёт секретно-оперативным отделом ЧК, хотя забастовка носила чисто экономический характер и была прекращена сразу же после выдачи продовольствия. Более того, рабочие постановили восстановить потерянный день за счёт сверхурочных работ⁴⁹.

В ряде случаев в политических сводках губчека, составлявшихся уже после освобождения края от Колчака, констатировались недоверие рабочих «к партии РКП», недостаточный авторитет ячейки коммунистов на заводе, пьянство среди партийных работников, незнание рабочими программы РКП(б), «пассивность» рабочих масс, их «безразличие ко всем происходящим собраниям», хождение среди рабочих «вредных»

⁴¹ Голдин В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 68–69.

⁴² ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 466; ф. 76, оп. 1, д. 779.

⁴³ См.: Гражданская война на Урале...

⁴⁴ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 780.

⁴⁵ Макуров В. Население советской Карелии под контролем спецорганов 1917–1920-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 372.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 780, л. 29, 86.

⁴⁸ Там же, л. 86.

⁴⁹ Там же, л. 29.

слухов, распространяемых агентами Колчака⁵⁰. Возникновение слухов в отсутствие достоверной и достаточной информации – типичная форма реакции людей на события и вид коммуникации в традиционном социуме. Как показал А.Я. Гуревич, в крестьянском обществе, где господствует устная традиция, граница между явной выдумкой и истиной в сознании людей является очень подвижной, зыбкой⁵¹. В то же время природа слухов тесно связана с феноменом массовых представлений, ожиданий и опасений (страхов), отражает стереотипы восприятия явлений. Хождение «нелепых», «провокационных» и «вздорных», «распускаемых обывателями» слухов без уточнения их содержания, часто упоминается и в политических сводках штаба 3-й армии РККА о положении в Пермской и Вятской губерниях летом–осенью 1918 г.⁵²

Руководители РКП(б) отмечали «беспартийность» и «несознательность» основной массы рабочих, что являлось косвенным признанием политической пассивности значительной части трудящихся в условиях войны и их разочарования в большевиках. Так, на Первой Екатеринбургской губернской конференции РКП(б) в октябре 1919 г. председатель Уральского областного Совета, член президиума ВЦИК Л.С. Сосновский разделил заводское население на три группы: «самый передовой, авангард – наиболее сознательные, вполне самоопределившиеся в классовом и политическом отношении рабочие; средний – менее сознательные, недостаточно стойкие в убеждениях, недостаточно проникшиеся пролетарской психологией рабочие; наиболее значительная – несознательная масса рабочих, которые только что вытягиваются в политическую жизнь»⁵³. Ему вторил Г. Зиновьев в статье «Почему нельзя остаться беспартийным», опубликованной в «Уральском рабочем»: «Говорится о том, что “партия коммунистов – партия рабочего класса”. Тем не менее, в неё входит только часть рабочих, меньшая часть. Большая часть рабочего класса “ни с кем”. Большинство рабочих до сих пор считают себя “беспартийными”»⁵⁴. «Сердце кровью обливаётся, – признавался красноармеец П. Тумбин, – когда слышишь от пролетария Урала слова: “Дерутся большевики с чехами, а нам до них дела нет”»⁵⁵. Политическая пассивность рабочих выражалась и в том, что некоторые члены Екатеринбургского совета не посещали его заседания⁵⁶.

Конечно, и до октября 1917 г., и после него сравнительно небольшая часть рабочих Урала поддерживала большевиков даже в условиях экономического и социального кризиса. По замечанию С.В. Ярова, «большевизация масс – явление очень сложное, оно не всегда означало сознательное усвоение коммунистических лозунгов. Это – скорее даже элемент общего социального поведения, во многом определяемого и конформистскими стереотипами. Тут сказались и традиции идеологизации русского общества, делавшие зачастую понятное, “правильное” слово более весомым аргументом, чем “правильное” дело»⁵⁷. Такими «правильными» словами являлись, по-видимому, лозунги большевиков, созвучные глубинным представлениям народа о справедливости и равенстве (власть – народу / Советам; земля – крестьянам, фабрики – рабочим и т.д.).

На Урале восприятие большевистских лозунгов облегчалось тем, что они совпадали с отношением трудящихся горных заводов к государству, собственности, заводчикам и заводской администрации. В пореформенную эпоху и на рубеже XIX–XX вв. здесь сохранялась особая, имевшая доиндустриальную основу, культура горнозаводского населения. Несмотря на воздействие модернизационных процессов, она формировала

⁵⁰ Там же, л. 18, 29, 33, 37, 58, 81, 91.

⁵¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 72.

⁵² Гражданская война на Урале... С. 25, 36, 70, 71.

⁵³ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 1, л. 10.

⁵⁴ Уральский рабочий. 1919. 12 ноября. № 84(436).

⁵⁵ Там же. 1918. 11 июля. № 135(232).

⁵⁶ Там же. 1918. 10 мая (27 апреля). № 86(183). С. 4.

⁵⁷ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. СПб., 2000. С. 222.

черты сословного сознания, противоречиво сочетавшие старые и новые стереотипы⁵⁸. Для мировоззрения горнозаводских рабочих были характерны этатизм и приверженность патерналистской политике государства, стремление к сословным привилегиям, традиционное отношение к земле и отрицание права частной собственности на неё, недоверие к «чужим», в том числе к представителям «образованных» слоёв общества (к инженерам, врачам, учителям и др.)⁵⁹.

Эти социально-психологические черты определяли положительное восприятие идеи национализации заводов⁶⁰ (но не её реального воплощения в конце 1917 г. – первой половине 1918 г.), сильного революционного государства, призванного наладить справедливое производство и распределение продукции, обеспечить привилегии «самоу передовому» классу, передать всю землю в пользование тех, кто её обрабатывает. Интересным штрихом сознания горнозаводских рабочих было то, что посессионные заводы они также считали фактически государственными. Этот феномен подчёркивал заместитель председателя Временного областного правительства Урала, главноуправляющий финансов Л.А. Кроль: «Нам приходится учитывать одно: что население издавна отлично учитывает несоизмеримость стоимости казённых земель в сравнении со стоимостью оборудования, сделанного посессионерами, и считает заводы государственными. Отсутствие на месте посессионеров, предпочитавших жить в Петрограде или Париже, управление заводами чуть ли не в течение столетия при помощи всесильных управляющих подкрепляло такое сознание»⁶¹.

Деление большевиками мира на основе классовых критериев на «своих» и «чужих» имело глубокие традиционалистские корни и в то же время находило аналогию в психологии горнозаводского населения Урала. Например, настороженность и враждебность горнозаводских рабочих по отношению к большинству инженеров⁶² усилились, когда к социальному и культурному противостоянию прибавились военно-политическое и идеологическое. Данная тенденция была характерна для страны в целом, и недоверие рабочих к инженерам потребовало внесения в экономическую часть принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) программы партии специального (восьмого) пункта о «немедленном, широком и всестороннем использовании оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и привычками»⁶³. Степень актуальности этой проблемы на Урале подчёркивали сами большевики. Так, на «неправильное отношение в некоторых кругах уральского пролетариата к буржуазным специалистам (инженерам)» обратил внимание в письме в редакцию «Уральского рабочего» (февраль 1920 г.) представитель Совтрударма, предложив «энергично бороться с данной тенденцией, для чего вести систематическую кампанию в духе п. 8 экономической программы РКП», поместив «в ближайшем номере жирным шрифтом приложенные выписки из программы»⁶⁴.

Расхождение позиций рабочих, их представителей во властных большевистских структурах, с одной стороны, и «буржуазных специалистов» – с другой, по целому ряду экономических и политических проблем выявилось уже в январе 1918 г. на проходившем в Екатеринбурге Первом съезде представителей бывших казённых и национализированных предприятий Урала, а также во время кампании выборов деловых советов по управлению предприятиями национализированных горнозаводских округов Урала. На съезде представителей член исполнительного бюро Заводского

⁵⁸ *Алеврас Н.Н.* «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сборник статей. Челябинск, 2003. С. 61.

⁵⁹ Там же. С. 61–67.

⁶⁰ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 453, л. 35 об.

⁶¹ Там же, д. 142а, л. 32 об.

⁶² *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 67.

⁶³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 436.

⁶⁴ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 783, л. 28.

совещания Уральского района А.А. Кузьмин (профессиональный революционер с 1906 г.) призвал к удалению инженеров и техников из состава правлений горнозаводских округов и предприятий и, заодно, к разгону профсоюза инженеров и техников⁶⁵. Аналогичная позиция недоверия к «буржуазным специалистам» самих рабочих проявилась на состоявшейся тогда же конференции рабочих, служащих и технических сил предприятий Кыштымского горного округа, созванной для выборов делового совета по управлению округом. Ораторы от рабочих на конференции высказались в поддержку не только национализации заводов, но и разгона Учредительного собрания. На возражения делегатов-служащих рабочие заявили, что «если рабочие выносят такие резолюции, то они проводят их даже с оружием в руках; будут защищать и эту резолюцию»⁶⁶.

Это, разумеется, ещё не означало полного согласия рабочих с позицией большевиков. Так, характеризуя настроение на Верхне-Салдинском заводе, авторы политической сводки штаба 3-й армии РККА от 4 сентября 1918 г. отмечали: «Настроение вообще не особенно важное, так, несмотря на тысячные митинги и принятые резолюции, явно прослеживается нежелание идти на фронт»⁶⁷. Аналогичная ситуация была на Чермозском заводе, о чём писал «Уральский рабочий» в июле 1918 г.⁶⁸ Одобрение коллективных просоветских и пробольшевистских постановлений, как справедливо подчёркивает Яров, было разновидностью акций, предусматривавших элементы организационного манипулирования⁶⁹. В то же время данные политические ритуалы способствовали усвоению «правильных» с точки зрения власти стереотипов и языковых клише. Важную роль играли также церемонии похорон большевиков, погибших в Гражданской войне, празднования 1 мая и годовщины Октябрьской революции, митинги на предприятиях в связи с разгромом войск Колчака⁷⁰. На митингах звучал Интернационал, рабочие пели «Вы жертвою пали...», абсолютным большинством голосов принимали постановления против меньшевиков и эсеров как «врагов народа», «соглашателей», «прислужников и опричников Колчака», «мёртворождённого Учредительного собрания», о создании «советов трудящихся всего мира», «такого строя, когда не будет ни бедных, ни богатых»⁷¹. Характерной в этом отношении является резолюция, принятая собранием граждан Верхне-Туринского завода в поддержку решений VI Всероссийского съезда Советов, проходившего в ноябре 1918 г.: «Все постановления VI Всероссийского съезда Советов и тактику Советской власти признаём правильной в цели борьбы за счастье народов..., поддерживать наших западных братьев в Германии, Австрии и др. в их борьбе с капиталистами..., мобилизовать все материальные ресурсы страны в области сырья и продовольствия для помощи (так в тексте. – О.П.) рабочему классу Запада, хотя бы и с ущербом для трудящихся масс России, поскольку эти жертвы обеспечивают полную и окончательную победу пролетарской революции во всех странах, где таковая началась»⁷². Настроения революционной романтики и представления о близости мировой революции нашли воплощение в пролетарской поэзии Урала. В стихотворении Д. Окулова, опубликованном в январе 1918 г. в «Известиях Пермского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов», говорилось: «Мы накануне великих событий, // Которые мир потрясут, // И можно надеяться, кровью залитой // Руси они счастье несут... // Откликнулись чутко на призыв свободный // Стран

⁶⁵ Государственный архив Свердловской области, ф. 1-р, оп. 1, д. 1-а, л. 120 об.–122.

⁶⁶ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 453, л. 36.

⁶⁷ Гражданская война на Урале... С. 65.

⁶⁸ Уральский рабочий. 1918. 16 июля. № 138(235).

⁶⁹ Яров С.В. Указ. соч. С. 8.

⁷⁰ См.: РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 376, л. 9 об; Уральский рабочий. 1918. 22(9) мая. № 96(193); 12 июля. № 136(233); 1919. 9 августа. № 6(368), 13 августа. № 9(371); ГА РФ, ф. Р-393, оп. 3, д. 282, л. 180.

⁷¹ См.: Уральский рабочий. 1918. 22(9) мая. № 96(193); 12 июля. № 136(233); 1919. 9 августа. № 6(368); 13 августа. № 9(371).

⁷² ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 453, л. 166.

дальних рабы капитала, // И истина та, что “он сыт, я – голодный” // Всем ясна, понятна так стала»⁷³.

После свержения советской власти в июле 1918 г. значительная часть территории Урала и Сибири оказалась под контролем «белых» правительств и антибольшевистских сил. Временное областное правительство Урала, образованное 19 августа 1918 г., в составе которого преобладали представители социалистических партий, созданное в его составе Главноуправление труда, а также организованный при правительстве Уральский промышленный комитет уделяли немало внимания решению социальных вопросов, урегулированию взаимоотношений рабочих и администрации. Система социального обеспечения рабочих, созданная советской властью, поначалу была в урезанном виде сохранена. За недолгий период «демократической контрреволюции» меньшевикам и эсерам удалось разработать примерно одинаковый пакет законопроектов об охране труда (8-часовой рабочий день, найм и увольнение рабочих, страхование на случай болезни и производственной травмы, примирительные камеры и биржи труда и др.). Часть законодательных актов была взята за основу колчаковским правительством и вступила в силу уже в период военной диктатуры⁷⁴.

Некоторые категории рабочих поддерживали небольшевистские правительства Урала на всём протяжении их существования. В источниках сохранились данные о различных формах поддержки рабочими Уральского и Сибирского правительств, об эвакуации квалифицированных рабочих белыми при их отступлении, о значительной доле жителей заводских посёлков, «бежавших с белыми»⁷⁵. Кроль вспоминал о том, как рабочие Нижне-Исетского завода собирались, в случае прихода большевиков, эвакуироваться с белыми и заранее заготовили припасы для стариков. Но за неделю до эвакуации в Екатеринбург пришёл отряд одного из сибирских атаманов, занялся там розысками снятого с пьедестала памятника Александру II, перепорол при этом много рабочих, и они решили остаться⁷⁶.

Социально-экономические процессы на территории края и военно-политический режим антибольшевистских правительств породили реальность, расходившуюся с их планами и программными установками. Их взаимоотношения с рабочими подверглись серьёзным испытаниям. Негативную роль в отношениях рабочих и новой власти сыграли неспособность Уральского и Сибирского правительств наладить промышленное производство, решить продовольственную проблему, обуздать произвол военных. Низкая производительность национализированных заводов, недостаток сырья и топлива, катастрофическое финансовое состояние обусловили трудности в реализации планов их денационализации⁷⁷. Закрытие целого ряда предприятий и массовые увольнения рабочих, осложнявшиеся задержкой расчётов, порождали безработицу и социальную напряжённость. По данным управления Южно-Екатеринбургского горного округа, к концу 1918 г. здесь работали 80, а бездействовали по разным причинам 125 предприятий⁷⁸. Ситуацию ухудшило и то, что большевики перед эвакуацией выдали рабочим 1,5-месячный аванс, который решением конференции профессиональных союзов Урала они должны были отработать⁷⁹.

Привычка уральских рабочих к патернализму в отношениях с властью обусловила восприятие массовых увольнений как невыполнение властью её главной обязанности – обеспечения гарантий работы и минимума заработка. Крайне болезненно

⁷³ Голдин В.Н. Указ. соч. Кн. 2. Екатеринбург, 2006. С. 105–106.

⁷⁴ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 16.

⁷⁵ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 52, л. 27–28; д. 142а, л. 39об.; оп. 2, д. 352, л. 31; ф. 76, оп. 1, д. 779, л. 8, 10.

⁷⁶ Там же, ф. 41, оп. 1, д. 142а, л. 79.

⁷⁷ Там же, л. 73.

⁷⁸ Урал в Гражданской войне. С. 107.

⁷⁹ Горный край. 1918. 22(9) декабря. № 20. С. 3.

воспринимали рабочие увольнения по политическим мотивам, существование которых признавалось самими представителями антибольшевистских структур. В газете «Горный край» подводились итоги деятельности Главного управления труда Временного областного правительства Урала (в связи с прекращением его существования) и, в частности, говорилось: «Предпринимателями, помимо коммерческих интересов, иногда руководило чувство мести, что психологически вполне объяснимо. Выступавшие на собраниях в большевистское время трудящиеся, движимые профессиональными интересами, а отнюдь не идеями большевизма, начали увольняться... Увольнялись рабочие и за неисполнение своих обязанностей, за малую производительность труда, и за несоответствие со взятыми на себя обязанностями. Было несколько случаев увольнения по приказанию военных властей»⁸⁰. Рабочие, значительная часть которых сохраняла связь с землёй, были недовольны и возвращением заводоладельцам земельных и лесных угодий.

Проблема обеспечения рабочих продовольствием не была решена из-за срыва планов транспортных перевозок, противоречий между военной и гражданской администрацией, недооценкой «белыми» властями социально-экономической и политической значимости вопроса. В.М. Рынков, исследовавший социальную политику антибольшевистских режимов на Востоке России, показал, что даже обоснованные меры в этой сфере оказались в условиях войны «проблемами второго плана», значение же натурального снабжения отдельных групп рабочих и служащих в условиях дефицитной экономики явно недооценивалось⁸¹. Галопирующая инфляция, делавшая рыночные цены на продукты питания и товары недоступными для населения, практиковавшиеся белыми разнообразные обременительные повинности (пешая, конная, подводная), реквизиции имущества на нужды армии делали повседневное существование рабочих под властью белых крайне тяжёлым. Они спасались от голода, уходя из городов в деревни, в сферу кустарной и мелкой промышленности, что привело к нехватке рабочих рук на действующих предприятиях. С.С. Постников, начальник Уральского края, подавший 1 апреля 1919 г. в отставку, обличая политику военных и Сибирского правительства в целом, писал: «Продовольствия на Среднем и Северном Урале нет, потому что железные дороги его не перевозят... Население доводится до отчаяния, а с голодными рабочими наладить и даже удержать промышленности не могу... На голодном Урале недостаток рабочих, и пока хлеб не придёт, они не придут»⁸².

Острое недовольство рабочих вызывали произвол и террор военных властей. В источниках имеются многочисленные свидетельства арестов и расправ без суда. В ноябре 1918 г. требование к правительству о «прекращении арестов по указанию отдельных лиц, которые часто происходят на личной почве» выдвинули профсоюзы Челябинска, Уфы, Ново-Николаевска и Омска⁸³. Того же потребовало Центральное областное бюро профессиональных союзов Урала, обратившись к правительству Урала, Сибири и Национальному совету чехословацких войск 4 сентября 1918 г.: «Вот уже второй месяц идёт со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного Сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара бесчисленных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращён в одну сплошную тюрьму: заполнены почти все здания в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная, бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производится как в Екатеринбурге, так и по заводам различными учреждениями и лицами, неизвестно какими выборными организациями уполномоченными»⁸⁴. Белый террор усилился

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008.

⁸² ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 142а, л. 73.

⁸³ Там же, оп. 2, д. 46, л. 2.

⁸⁴ Цит. по: Урал в гражданской войне. С. 113.

после установления на Урале власти правительства Колчака в ноябре 1918 г. Постников писал, объясняя причины своей отставки: «Военные власти до самых младших распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных “при побеге”, аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям..., а начальник края может быть только свидетелем происходящего»⁸⁵.

Очевидно сходство методов управления большевиков и их противников в условиях Гражданской войны. Обе стороны активно использовали насилие и принуждение в ситуации распада общества⁸⁶. Как справедливо отметил А.С. Верещагин, на деле проблема управленческого «родства» красных и белых связана с тем, что и те, и другие унаследовали единую традицию и действовали в одном и том же социокультурном пространстве⁸⁷. Разочарование в белых правительствах, которых поначалу «встретили как избавителей», но потом «плакали от их крепких объятий», стало доминирующим в настроениях рабочих, судя по политическим сводкам Екатеринбургского губкома РКП(б) за август–декабрь 1919 г.⁸⁸ Об этом же свидетельствует Кроль: «Много перенесло население Пермской губернии от большевиков и с энтузиазмом встретило сибирскую армию. Но это настроение длилось не долго. Оно скоро перешло в недоверие, даже в ненависть, благодаря исключительно агентам власти»⁸⁹. «Приходилось признать, – отмечал он, – что народ не сознает, что мы ему нужны, а навязываться ему безнадежно»⁹⁰. На фоне такой ситуации у белых беспощадную борьбу с произволом красноармейцев в отношении местных жителей, проводившуюся командованием РККА в 1919 г., население восприняло положительно. «Теперь у нас в Красной армии порядки хорошие, не так, как раньше было, – писал 16 ноября 1919 г. один из красноармейцев, – теперь даже за оскорбление ответишь, а если взял что-нибудь у крестьянина, то строго ответишь, и даже совсем расстреляют, у крестьян ничего не велят трогать»⁹¹. Впрочем, по подсчётам Е.И. Ярковой, проанализировавшей 903 сводки отделения военной цензуры при Первой трудовой армии, содержащие информацию о частных письмах и отрывки из перлюстрированной корреспонденции уральцев за период со второй половины апреля по вторую половину июня 1920 г., количество «положительных» (в поддержку советской власти) писем составляет 30% от общего числа, отрицательных – 61, нейтральных – 9%⁹². Самое большое недовольство вызывала продовольственная политика власти, наименьшая доля отрицательных отзывов приходилась на раздел «отношение к Красной армии и Гражданской войне».

Привлечь заводское население на сторону большевиков должно было введение ими в июле 1918 г. на подконтрольных территориях повышенного классового пайка для рабочих. Однако пайковое снабжение продовольствием после освобождения Урала от войск Колчака летом 1919 г. было налажено из рук вон плохо. Причинами этого стали неэффективность большевистской политики продовольственной диктатуры, хозяйственная разруха, загруженность железных дорог и отсутствие необходимого подвижного состава для перевозки продовольствия на Урал. Уральские рабочие летом–зимой 1919 г. фактически голодали. В целом по стране в 1919–1920 гг. по сравнению с 1913 г.

⁸⁵ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 142а, л. 73.

⁸⁶ Коробков Ю.Д. Формирование стереотипов массового сознания (на примере «образа врага») как одна из социально-психологических предпосылок Гражданской войны // Гражданская война на востоке России... С. 158.

⁸⁷ Верещагин А.С. Гражданская война на Урале: её специфика и особенности интерпретации источников в работах отечественных историков // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблёва. М., 2002. С. 634.

⁸⁸ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 77, л. 3–10.

⁸⁹ Там же, д. 142а, л. 89.

⁹⁰ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 142а, л. 93.

⁹¹ Там же, ф. 76, оп. 1, д. 780, л. 49.

⁹² Яркова Е.И. 1920-й год глазами населения Урала. Сводки военной цензуры о письмах граждан уральских губерний // Гражданская война на востоке России... С. 328.

потребление хлеба уменьшилось почти в два раза: с 13.96 пуда на душу населения до 8.2 пуда. В 1919 г. городское население губерний получило лишь по 5.76 пуда хлеба⁹³. В сводках Екатеринбургской губчека осенью–зимой 1919 г. констатировалось, что голод стал главной причиной недовольства уральских рабочих советской властью и «падения настроения» на заводах⁹⁴. В этой ситуации рабочие вынуждены были заниматься «самоснабжением»: «растаскиловка», а также изготовление предметов на продажу в рабочее время приобрели всеобщий характер. Так называемые «левые заработки» (куда входили и хищения) составляли в 1918–1920 гг. до половины дохода рабочих⁹⁵. На Урале актуализировалось «наивное воровство», когда представление рабочих о том, что всё «в заводе» – результат их усилий, дополненное патриархальными представлениями о праве собственности, стирало в сознании людей границы между «моим» и «не моим»⁹⁶.

Несмотря на неспособность системы пайкового снабжения полностью обеспечить потребности рабочих в продовольствии, в 1919–1920 гг. она достаточно эффективно использовалась большевиками в социальной политике. Судя по Уралу, такое снабжение эволюционировало в сторону медленного, но очевидного увеличения удельного веса потребляемого рабочими по карточкам продовольствия: с 44.8% (декабрь 1919 г.) до 55.2% (середина 1920 г.)⁹⁷. Уже само введение классового принципа формирования пайков (не существенное, но имевшее значение превышение заводского пайка над остальными пайками жителей тыла)⁹⁸ ставило рабочих промышленности в привилегированное положение. Профессиональный срез пайковой системы недвусмысленно говорил о приоритете рабочих, занятых тяжёлым физическим трудом, либо трудившихся на вредных для здоровья производствах. Очевиден и отраслевой, точнее, подотраслевой аспект проблемы: предпочтение гарантированного снабжения пайками отдавалось предприятиям, производившим военную продукцию⁹⁹.

Часть продовольствия трудящиеся получали через открытую на предприятиях широкую сеть столовых. В практику Гражданской войны вошло прикрепление рабочих Урала к заводским столовым, обеспечивающим горячим питанием. Общепит, выступая в качестве одной из составляющих системы распределения, сыграл положительную роль в смягчении продовольственного кризиса – коммунальными столовыми пользовалась примерно $\frac{1}{6}$ часть городского населения, но, судя по Екатеринбургской губ., – подавляющее большинство рабочих. Небольшие продовольственные пайки (состоявшие в основном из муки) получали и члены их семей¹⁰⁰. При скудности поступающих из централизованных фондов продовольственных пайков в лучшем положении оказывались рабочие – владельцы земельных участков и домашнего скота. Всё это вместе позволило советской власти в условиях голода и разрухи привлечь на предприятия значительную часть рабочих, смягчив для них разразившийся продовольственный кризис.

В то же время резко сокращалась разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда рабочих. Так, если в 1913 г. зарплата квалифицированных рабочих превышала зарплату чернорабочих в 8 раз, а в 1917 г. – в 2.3 раза, то в 1920 г. – всего в 1.02 раза¹⁰¹. О негативных социально-экономических последствиях «приближения

⁹³ *Ильюхов А.А.* Трудовые отношения в годы Гражданской войны: доктрины и реальность // *Гражданская война в России: события, мнения, оценки...* С. 599.

⁹⁴ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 780, л. 18, 22, 27, 29, 33, 35, 37, 39.

⁹⁵ *Ильюхов А.А.* Трудовые отношения в годы Гражданской войны... С. 562.

⁹⁶ *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 64.

⁹⁷ Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 1. М., 1921. С. 24, 32–33.

⁹⁸ *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007. С. 97.

⁹⁹ Там же. С. 98.

¹⁰⁰ *Шиловцев А.В.* Социальная политика советской власти на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919–1920 г.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994. С. 14.

¹⁰¹ *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен... С. 79.

высших рабочих ставок, т.е. заработков квалифицированных рабочих, к низшим окладам необученных рабочих», писал в Бюро фракции РКП при ВЦСПС представитель Отдела нормирования труда ВЦСПС А. Гольцман¹⁰². Уравниловка утвердилась и в сфере принудительного труда, расширившейся после создания в 1920 г. трудовых армий, в частности Первой революционной трудовой армии (январь) – на Урале на базе 3-й армии РККА, мобилизованной на восстановление промышленности. Все эти факторы не могли не сказаться на ослаблении экономической заинтересованности людей в результатах их работы, падении трудовой дисциплины, способствовали многократному снижению производительности труда на уральских заводах.

Хронические нарушения трудовой дисциплины, прогулы рабочих стали бичом заводской жизни. Даже после жёстких репрессивных мер в 1920 г. они снизились незначительно¹⁰³. Это подтверждает письмо Реввоенсовета 3-й армии (Первой трудовой армии), направленное в редакцию «Уральского рабочего» весной 1920 г.: «Надо завести в газете рубрику: “Война с разгильдяйством и прогулами”. В этой рубрике сообщать сведения о преследованиях, товарищеских и судебных, в отношении рабочих, повинных в разгильдяйстве и прогулах»¹⁰⁴. Для борьбы с этими явлениями на Урале, как и в других местах¹⁰⁵, создавались товарищеские дисциплинарные суды, трибуналы труда. Как видно из анализа работы такого суда при Южно-Уральском районном Бюро профсоюзов за три летних месяца 1920 г., самыми распространёнными нарушениями трудовой дисциплины были неподчинение постановлениям рабочих организаций, опоздание на работу без уважительных причин, самовольная отлучка от работ. Отмечались и такие проступки: «намеренная невыработка норм», «неаккуратное обращение с машинами и инструментами», «нарушение правил внутреннего распорядка», «уклонение от освидетельствования больных»¹⁰⁶. В Челябинской губ. за 1920 г. товарищеские дисциплинарные суды рассмотрели 1 009 дел и привлекли к ответственности 3 355 человек. Однако уровень прогулов в этой губернии практически не менялся: в апреле 1920 г. – 17%, в мае, июне и июле – по 18, в августе – 29, в сентябре – 19, в октябре – 21, в ноябре – 14 и в декабре – 21%. Колебания в численности прогульщиков никак не были связаны с деятельностью судов или с какими-либо иными административными мерами – их динамика носила сезонный характер. В сентябре и октябре рабочие занимались уборкой хлеба и заготовкой топлива, в декабре – добывали обувь и одежду. На Мотовилихинском заводе осенью 1920 г. прогулы составляли 13.2%, но по неуважительным причинам всего 1.18%, остальные – из-за болезней, связанных «главным образом с отсутствием обуви»¹⁰⁷.

То, что у многих рабочих не было тёплой одежды, в политической сводке Екатеринбургской губчека за декабрь 1919 г. называлось одной из причин низкой производительности труда на заводах¹⁰⁸. Достаточно мягкое отношение к хищениям рабочих со стороны советских и профсоюзных органов¹⁰⁹, забвение классических принципов мотивации труда, действовавших в дореволюционной России¹¹⁰, экстремальные условия выживания в годы Гражданской войны обусловили деформацию трудовой этики рабочих. Уравнилительные, рваческие и иждивенческие настроения, уже вскоре после револю-

¹⁰² РГАСПИ, ф. 95, оп. 1, д. 5, л. 98–100.

¹⁰³ Ильяхов А.А. Трудовые отношения в годы Гражданской войны... С. 563.

¹⁰⁴ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 783, л. 29.

¹⁰⁵ РГАСПИ, ф. 95, оп. 1, д. 1, л. 16–26.

¹⁰⁶ Ильяхов А.А. Трудовые отношения в годы Гражданской войны... С. 565.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 780, л. 39.

¹⁰⁹ Дмитриев Н.И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 135; Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920 гг. СПб., 2005. С. 75–76.

¹¹⁰ Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 206–216.

ции¹¹¹ получившие распространение преимущественно среди малоквалифицированных уральских рабочих, теперь стали главным препятствием для роста производительности труда. Не случайно ещё в постановлении о трудовой дисциплине Областного совета профсоюзов Урала и Уральского областного бюро Всероссийского союза рабочих-металлистов (май 1918 г.) констатировался «низкий уровень развития пролетарских масс Урала, являющийся препятствием для проведения трудовой дисциплины»¹¹². Поэтому часть уральских рабочих негативно восприняла летом 1918 г. восстановление Временным областным правительством Урала сдельных работ, рассматривая эту меру как явление, схожее по характеру с отменой декретов советской власти, восстановлением чинов, погон и т.п.¹¹³

Таким образом, рабочий класс Урала в рассматриваемый период был расколот, как и большинство социальных слоёв российского общества. Лишь небольшая его часть сознательно и добровольно участвовала в военно-политическом противостоянии, основная же масса оставалась беспартийной, была озабочена выживанием, однако избежать политизации рабочим не удалось. Несмотря на недовольство политикой большевиков в первой половине 1918 г., реалии курса «белых» правительств обусловили разочарование в них как в возможной альтернативе «красному» режиму. Победа большевиков в Гражданской войне закрепила наметившиеся тенденции и создала предпосылки для новых коллизий в отношениях рабочих и власти.

¹¹¹ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 91.

¹¹² Уральский рабочий. 1918. 17(4) мая. С. 3.

¹¹³ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 466, л. 11.

Советское государство и буддисты (1917–1946 гг.)

Фёдор Сеницын

В рассматриваемый исторический период буддизм в СССР был распространён в основном среди бурятского и калмыцкого народов¹. Их религиозность была настолько велика, что сотрудники советского полпредства в Монголии рассматривали её как «особую установку индивидуальной и массовой психики и психофизиологии»². Видный буддийский религиозный деятель конца XIX – начала XX в. хамбо-лама (настоятель монастыря) А. Доржиев и его сподвижники понимали культуру этих народов только как «буддийско-монгольскую», отрыв от которой представлялся равноценным национальной гибели³. Русский востоковед Н.Н. Козьмин, в свою очередь, писал, что буряты видели в буддизме «не только национальную веру, но и привлекательное звание, которое возносит маленького человека на недостижимую в иных условиях высоту»⁴. Буддийские верования пронизывали быт, традиции и обычаи калмыков⁵ – недаром в

© 2013 г. Ф.Л. Сеницын

¹ Тува, коренное население которой также придерживается буддийских верований, вошла в состав СССР в 1944 г.

² АВП РФ, ф. 183, оп. 12, пап. 11, пор. 2, л. 2.

³ Понте Н.Н. Бурят-монгольское языкознание. Л., 1933. С. 87.

⁴ Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская АССР. Географический и хозяйственный очерк. Иркутск; Верхнеудинск, 1928. С. 40.

⁵ Манцаева Т.Б. Политические репрессии в отношении калмыцких феодалов, крупных ското-промышленников и калмыцкого духовенства // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения. Материалы международной научной конференции (23–24 октября 2003 г.). Элиста, 2003. С. 39.